5. Я сниму кино!

Приближался закат. К этому времени кафе переполнилось клиентами. Те, кто проработал весь день, устало волочились сюда, чтобы выпить чашечку кофе и насладиться очаровательным закатом.

Ван Ян и Джессика сидели за столиком возле панорамного окна и распивали кофе.

После просмотра «Титаника» оба человека пришли в ближайшее к кинотеатру кафе, но по дороге туда практически не разговаривали. Радость от неожиданной встречи улетучилась, и сейчас они не до конца понимали, о чём можно пообщаться. Хотя в прошлом они настолько крепко дружили, что не имели секретов друг от друга, это было в детстве, а с того времени уже прошло почти десять лет. Возникновение отчуждённости было неизбежно.

– Ян, я должна перед тобой извиниться. – Джессика первой прервала тишину. Глядя на Ван Яна, она сожалеющим тоном говорила. – Когда я уезжала, то не попрощалась с тобой лично, прости.

Тяжело вздохнув, она объяснила:

– В то время мой папа ушёл из армии и собирался заниматься бизнесом в Лос-Анджелесе, поэтому нашей семье пришлось переехать сюда. Но, знаешь, я тогда была очень робкой и не совсем представляла, как с тобой попрощаться, поэтому… В итоге я оставила тебе всего лишь то письмо.

– То письмо? Какое письмо? – недоумевал Ван Ян.

– Хм? – нахмурившись, тоже слегка недоумевала Джессика. – Прощальное письмо для тебя. Я положила его в твой выдвижной ящик, ты… не получил его?

– Нет, не было никакого письма, – пожал плечами Ван Ян.

В прошлом Джессика так безмолвно уехала, словно не считала его близким другом. Он ещё жаловался про себя, что она с ним не попрощалась, поэтому впоследствии практически предал её забвению.

Джессика остолбенела. Когда папа ей сказал, что им придётся переехать в Лос-Анджелес, она начала писать длинное письмо на целых несколько страниц. Ей постоянно что-то не нравилось, и она каждый раз рвала листы. Промучившись больше недели над письмом, она в последний день учёбы определилась с содержанием и аккуратно положила его в выдвижной ящик Ван Яна. Почему же Ван Ян ничего не получил?

– Невозможно, как так? – не понимала Джессика. Она разволновалась, будто потеряла какую-то драгоценность. – Я точно положила письмо в ящик и придавила его твоими учебниками… О боже, теперь понятно, почему я не получала от тебя писем. Ты не видел моего прощального письма и, разумеется, не мог знать моего нового адреса. Господи, но как это произошло?

– Подожди, дай подумать… Я, кажется, что-то упустил…

Ван Ян, поглаживая виски, старался припомнить события прошлого. Воспоминания уже были расплывчатые. В тот день он, как обычно, вошёл в класс, затем обнаружил, что соседнее место за партой пустует, а все учебники Джессики пропали. Учитель сказал, что она перевелась в другую школу. Ван Ян рассердился и обиделся на то, что Джессика почему-то не попрощалась

с ним. После уроков он с грустью посмотрел на пустую парту…

– Эта черномазая девчонка наконец-то ушла. Тошно смотреть на эту жуткую уродину…

– Она всегда, как страус, молчит, её даже обижать скучно…

– И как только с ней разговаривал этот китаец? Слышал, как они смеются – мерзость…

Несколько белых хулиганов в классе, собравшись в кучку, беседовали, а затем их лидер, Питер, внезапно замахал бумажными листами и самодовольно закричал: «Ребята, смотрите, что я нашёл», после чего белые дети обступили его и глумливо засмеялись. Ван Яну надоела эта шайка, и он вышел из класса.

Впоследствии все узнали о его мечте стать режиссёром. Многие в классе насмехались за его спиной. Он даже помнил, как Питер сказал: «Разыщи свою уродину, возьмёшь её на главную роль, великий режиссёр! Ха-ха!»

Вспомнив это, Ван Ян в целом понял, что произошло.

– Ты в письме указывала, что я хочу стать режиссёром? – спросил он Джессику.

– Э…

Джессика притворилась, что вспоминает, но в действительности до сих пор отчётливо помнила содержание письма, даже могла бы воспроизвести каждое предложение.

Немного “поразмыслив”, она наконец кивнула:

– Должно быть, указывала. Я написала кое-какие напутственные слова, так что, наверное, и этот момент упомянула.

Джессика напрягла все силы, чтобы не покраснеть. По правде сказать, в том прощальном письме она писала довольно слащаво. Это было её первое смелое выражение своих чувств. Она писала, что когда приедет в Лос-Анджелес, то постарается убедить родителей отдать её в театральную школу, что будет трудиться над собой, чтобы стать актрисой, а также в письме просила Ван Яна тоже трудиться над собой, чтобы он стал режиссёром, тогда потом они встретятся в Голливуде…

Такое отвратительно слащавое письмо она навсегда запомнила и даже при всём желании не могла забыть.

Теперь, сидя напротив Ван Яна и вспоминая прошлое, Джессика занервничала – Ян ведь не разыгрывает её?

– Тогда я знаю, в чём дело! Чёрт! – не выдержав, выругался Ван Ян. – Это Питер! Этот мерзавец стащил твоё письмо. Неудивительно, что он вдруг узнал, что я хочу стать режиссёром, а ты – актрисой! Кроме тебя, я никому из одноклассников не рассказывал об этом. Гад, будь он проклят!

Питер? Как только Джессика услышала это имя, в голове смутно всплыло лицо белого ребёнка. Она с сомнением промолвила:

– Питер? Это тот негодник, что любил наносить на голову гель и делать волосы торчком? Точно, я тоже вспомнила. Когда я положила письмо в твой ящик, в классе присутствовал

только он. Причём он с непонятной ухмылкой смотрел на меня… Ох, боже! Так это он украл письмо?! Как он мог так поступить?!

Джессика будто получила серьёзную психологическую травму. Сперва она сидела с отупелым видом, а в следующий миг мучительно схватилась за голову. Ей вспомнилось, как после переезда в Лос-Анджелес её опять начали обижать в новой школе и как она каждый день надеялась получить письмо от Ван Яна, но в результате ничего не пришло. Она даже неоднократно тайком плакала. Впоследствии родные согласились отдать её в театральную школу, вдобавок она постепенно похорошела. Ей наконец удалось выбраться из тупика.

Если бы она тогда получила письмо от Ван Яна и смогла поддерживать с ним связь, было бы просто замечательно! В этом случае она бы точно никогда не унывала, пусть даже её постоянно обижали хулиганы.

А этот Питер всё испортил! Джессика сжала кулаки, от негодования вся покраснела и, стиснув зубы, подумала про себя: «Зачем он так сделал, как он мог?! Почему существуют такие люди? Убила бы эту сволочь…»

Ван Ян тоже был сильно возмущён. Если бы он тогда узнал, что Питер украл его письмо, он бы обязательно выбил всё дерьмо из этого урода!

Распираемые праведным гневом, Ван Ян и Джессика не сговариваясь отхлебнули кофе, затем переглянулись и рассмеялись. В их смехе слышались беспомощность и сожаление. Но всё уже было в прошлом, ничего нельзя было исправить. К счастью, они вновь встретились, не так ли?

Отставив чашку, Джессика постепенно успокоилась и, глядя на Ван Яна, ласково произнесла:

– Ян, я правда благодарна тебе за оказанную мне помощь. Ты мой лучший друг, с которым я познакомилась в школьные годы.

Она покачала головой, сказав:

– Ты не знал, но в новой школе в Лос-Анджелесе меня опять обижали хулиганы. Они одевались в красивые одежды, но имели безобразные сердца и без конца истязали душу маленькой девочки. В то время я действительно очень скучала по тебе.

Она улыбнулась и, откашлявшись, грубым голосом попыталась повторить прежнюю манеру речи Ван Яна: «Эй, хотите обидеть её? А меня забыть не спросили? Она под моей защитой!»

– Ого, не знал, что я, оказывается, настолько велик, – Ван Яну стало слегка неловко от похвалы Джессики.

Он осознавал, что помогал Джессике в драках не потому, что был “рыцарем”, который добивается сердца дамы. Просто он имел драчливый характер и притом знал кое-какие боевые приёмы.

– Да, – таинственно промолвила Джессика, с серьёзным видом кивнув. – По-моему, ты чувствовал себя суперменом, ха-ха! Жаль, что потом супермен не дежурил в Лос-Анджелесе. Ох, это были мрачные деньки. К счастью, я их пережила.

Оба человека снова весело рассмеялись и начали вспоминать прошлое, затем разговор зашёл о настоящем. А Джессику больше всего интересовал тот вопрос, на который Ван Яну больше всего не хотелось отвечать.

Джессика с улыбкой спросила:

– Ян, как тебе учёба в Южно-Калифорнийском университете?

– Пойдёт, неплохо… – неясно выразился Ван Ян.

Наблюдая, с каким внимательным видом слушает его Джессика, подперев руками подбородок, Ван Ян ощутил головную боль и сделал глоток кофе. Ладно, на этот раз лгать нельзя, пусть уж будет горькая правда. Он со стыдливой улыбкой произнёс:

– Если честно, то я уже неделю как не студент Южно-Калифорнийского университета. Меня исключили.

– Что?! Тебя исключили? – выпучив глаза, беспокойно вымолвила потрясённая Джессика. – Что произошло? Оу, мне жаль, как так получилось, Ян? Почему они тебя исключили?!

Теперь Ван Ян выглядел совсем уныло. Он беспомощно сообщил:

– Расовая дискриминация. Они говорят, я расист.

– Расист? Ты? – поразилась Джессика.

Едва она услышала от Ван Яна новость про исключение, как ей в голову пришло множество причин, за что его отчислили. Плохая успеваемость? Курение травки? Уголовное преступление? Правонарушение? Но она и подумать не могла, что дело в расизме!

Пребывая в смятении, Джессика покачала головой и недоверчивым тоном спросила:

– Ян, ты меня разыгрываешь?

Ван Ян пожал плечами:

– Мне бы тоже хотелось, чтобы это был всего лишь розыгрыш, но это правда. Мне предъявили несправедливое обвинение. Проще говоря, в университете есть один говнюк наподобие Питера, его зовут Терренс Бенн. В тот день он без конца оскорблял и провоцировал меня, потом преградил мне дорогу, ещё и толкнул меня. Я вышел из себя и отлупил его. Мимо как раз проходил один преподаватель. Он увидел, что я бью Терренса.

Стиснув зубы, Ван Ян подавил свой гнев и продолжил:

– Терренс сразу воспользовался этим случаем. Он заявил, что я расист, что я оскорблял его, а затем набросился на него с кулаками. К сожалению, администрация университета поверила Терренсу, после чего меня и отчислили.

Когда Джессика выслушала Ван Яна, её лицо исказилось от негодования:

– Как это возможно? Не могут же они вот так просто несправедливо обвинить человека? Ян, я бы никогда не поверила, что ты расист. Почему же они такие тупицы?

– Других свидетелей драки нет, поэтому никто и не заступился за меня. А тот учитель, что проходил мимо, лично видел, как я избиваю Терренса. Он согласился заступиться за Терренса.

Вспомнив себя беспомощным, Ван Ян невольно выругался:

– Чёрт, я искал свидетелей по всему университету, расспрашивал одного за другим, хотел найти хоть кого-нибудь, кто присутствовал во время драки и мог бы рассказать всю правду. Но никого не было! Вот так меня и объявили расистом!

– Мне жаль, очень жаль… – удручённо сказала Джессика.

От взбешённого вида Ван Яна ей стало тяжко на душе. Она хотела помочь ему, как он когда-то помог ей. Постаравшись успокоиться, она задумалась над решением проблемы. Неожиданно в голову пришла одна идея. Джессика радостно сообщила:

– Ян, а я могу за тебя заступиться? Я расскажу, как ты в детстве мне помогал, и докажу администрации университета, что ты вовсе не такой человек!

Ван Ян покачал головой:

– Бесполезно, я уже нечто подобное делал. Нашёл нескольких чернокожих приятелей из старшей школы, которые заступились за меня, но люди в этой администрации совершенно несговорчивые!

Чем больше Ван Ян говорил, тем сильнее злился. Внезапно он ударил по столу:

– Они даже подозревают, что я подкупил своих приятелей!

– Неужели нет других вариантов? – не сдавалась Джессика.

Как же так? Она уже стала актрисой, и Ван Ян, по идее, мог бы стать режиссёром, тогда те детские слова воплотились бы в жизнь. Но теперь… Господь, почему ты распорядился таким образом?

Ван Ян не отвечал. Джессика, глядя на него, хотела как-то утешить, но не знала, что ещё можно придумать.

Оба человека долго просидели в тишине, лишь безостановочно попивая кофе.

Спустя какое-то время Джессика удручённо спросила:

– Тогда какие у тебя планы дальше?

Она понимала, что Ван Яну придётся несладко. С клеймом расиста будет невероятно тяжело найти даже какую-нибудь простую работу.

Какие планы? Что делать дальше? Этими вопросами Ван Ян и сам задавался. Он допил залпом кофе. Напиток показался таким горьким, что хотелось блевать.

Вариантов у него немного, точнее, вообще нет. Устроиться обратно в университет или найти работу уже невозможно. А денег у него оставалось немного. Если учесть деньги, которые выделили ему родители на бытовые расходы в течение семестра, и деньги, которые он сам подзаработал, то у него имелось примерно чуть больше 10 тысяч долларов. Поскольку из университета исключили, приходилось снимать жильё, а ещё требовалось платить за коммунальные услуги, вдобавок больше не приходила стипендия. Он долго не продержится. Менее чем через два месяца завершится второй семестр, к этому времени уже невозможно будет скрывать от родителей новость об отчислении. Естественно, они устроят скандал. Если Ван Ян ни в чём не преуспеет, его затащат обратно в Сан-Франциско…

10 тысяч долларов, два месяца – что он может сделать за это время?

Ван Ян посмотрел на сидевшую напротив Джессику Альбу, и его сердце забилось чаще, а затем сжалось. Она в конечном счёте получит известность, окажется в центре всеобщего внимания, весь мир будет сходить по ней с ума. А он что? Вернётся в китайский квартал Сан-Франциско в разорившийся ресторан, каждый день будет заниматься готовкой и мытьём посуды, а затем постепенно отдалится от мира кино, своей режиссёрской мечты и этой девицы? Чёрт!

Джессика заметила душевные мучения, проскользнувшие на лице Ван Яна, и её сердце тоже сжалось. Ей было жаль его, но как можно помочь ему?

Она призадумалась и сказала:

– Ян, мой папа после демобилизации занимался разным бизнесом, сейчас у него открылось агентство недвижимости. Дела идут неплохо, туда как раз подыскиваются сотрудники…

– Нет, нет, нет! Джессика, спасибо за заботу, но я не собираюсь работать торговым агентом, – перебил Джессику Ван Ян, потому что у него уже появилась идея!

Он с улыбкой произнёс:

– Знаешь, я хочу быть режиссёром, хочу снимать кино, я об этом задумался ещё в раннем детстве. А сейчас я решил, что должен действовать. Я не просто хочу, я сниму кино! Независимое кино!

Да, он должен снять кино. Вот дорога, по которой ему следует пойти! Пусть даже придётся расшибить голову на этом пути, он не сдастся, потому что не допустит потери некоторых вещей!

«Джессика, сейчас ты гадкий утёнок, но потом превратишься в красивого белого лебедя! Поверь мне, ты обязательно станешь актрисой! А я в будущем стану режиссёром и смогу взять тебя в свой фильм на главную роль».

Первая половина этих слов уже осуществилась; однажды осуществится и вторая половина. Ван Ян твёрдо в это верил.

http://tl.rulate.ru/book/41606/921360